

СНЕЖНАЯ КАТЕРИНА

A movie poster for the film 'Снежная Катерина' (Snowy Catherine). The central figure is a young woman with long, straight brown hair, wearing a black turtleneck sweater. She is seated at a dark, reflective bar counter, looking off to the side with a contemplative expression while holding an open book with handwritten notes. The background is a blurred cityscape at night, with bokeh lights from buildings and streetlights. To the right, a man in a dark suit is partially visible, standing and looking away. The overall color palette is dominated by deep blues and purples, creating a moody and sophisticated atmosphere.

ОДИН ПРОЦЕНТ

18+

Катерина Снежная

Один процент

<https://litres.ru/74176739>

SelfPub; 2026

Аннотация

У меня есть прошлое, о котором никто не знает.

У него — настоящее, в котором он никому не доверяет.

Между нами — один процент акций, завещание его покойного отца и тонкая черта, которую мы оба не должны переступить.

Леон Брукс — человек, который держит в руках полгорода и не может удержать собственных демонов. Я пришла в его жизнь как юрист. Осталась как его советник. А потом — как единственный человек, перед которым он позволил себе быть слабым.

Это не любовь с первого взгляда.

Это медленное узнавание двух людей, которые думали, что уже не способны никому верить.

От автора: В этой книге вас ждут:

Slow burn Корпоративные интриги Темное прошлое ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	35
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Катерина Снежная

Один процент

Глава 1

Воздух в кабинете Майкла Маршалла пах застоявшимся капиталом: тяжелой кожей мебели, полированным дубом и едким, оседающим на нёбе пеплом кубинской сигары. Кейт Риччи стояла напротив массивного стола. Струя от кондиционера била точно в затылок, пробираясь под шелковый подклад жакета Chanel, но она не двигалась. Держала спину безупречно ровной, хотя каждый позвонок отзывался тупым, тянущим напряжением.

На столешнице лежали две вещи, от вида которых под ребрами собиралась сосущая тошнотворная пустота. Слева — пухлая папка. Знакомая золотая вязь саудовского холдинга «Аль-Мади». Тот самый контракт, вытянувший из ее отдела полгода жизни. Билет в высшую лигу. И ее персональная плаха. Справа — письмо на сверхплотной бумаге BROOKS HOLDINGS. Текста мало, но чернила вдавлены в лист с такой силой, что на оборотной стороне наверняка остался рельеф. Подпись: Леон Брукс.

— Время вышло, Кейт, — Майкл стряхнул пепел в хру-

стальную пепельницу. Движение вышло чуть более смазанным, чем обычно. Он сдвинул письмо Брукса к краю столешницы, ближе к ней. — Леон прислал напоминание о джентльменском соглашении. Его виза должна стоять на документах. Иначе сделка с саудитами превратится в макулатуру.

В свои тридцать два года она привыкла заходить в зал суда, как в свой личный кабинет. Выверенный темно-синий костюм, идеальный светлый пучок, ни одной лишней эмоции на лице. Коллеги знали ее как машину для разбора исков. Но сейчас эта броня дала трещину. Майкл уловил, как ее ресницы дрогнули, а дыхание на долю секунды сбилось с ритма.

Кейт коснулась бланка. Хлопковая бумага шершаво мазнула по коже, оставив на кончиках пальцев едва уловимый запах типографской краски и чужой, безграничной власти. Она слишком хорошо знала предысторию. Тот самый давний уговор между основателем их фирмы Джорджем Маршаллом и отцом Леона — Томо Бруксом. Слово чести, которое, как был уверен наследник, Маршаллы растоптали, спровоцировав гибель Томо. Теперь младший Брукс брал плату не валютой. Он требовал ритуала. Завизировать этот контракт для него означало заставить бывших партнеров прийти к нему на поклон.

— Майкл, — она произнесла это на одном ровном выдохе, игнорируя то, как кровь отливает от ладоней. — Мы оба в курсе состояния Эндрю Лоуренса. Он все еще на аппаратах. Сотрясение и сломанные ребра. Для полиции это падение в

шахту лифта. Для нас — факт, что он был последним курьером, которого фирма отправила к Леону.

Начальник тяжело откинулся на спинку кресла. Сизый дым поплыл к потолку, искажая черты его лица.

— Эндрю забыл, с кем имеет дело. Решил поучать Леона нюансам права. Ты не сделаешь такой ошибки. К тому же, у тебя есть козырь.

— Какой? — сухо уточнила Кейт. Гортань пересохла так, что глоток дался с трудом.

— Ты — живое воплощение того самого соглашения. Мы отправляем не рядового сотрудника, а компаньона. Наше лицо. Брукс помешан на символизме. Он примет жест. И, по меньшей мере, оставит тебе целые кости.

От прямоты этих слов Кейт слегка повело. Воздух в кабинете внезапно стал слишком густым. Лист в руке оттягивал пальцы, словно свинцовая пластина.

— Жест уважения? — Выверенная годами дикция дала сбой. Фраза вышла надтреснутой. — Вы бросаете меня туда только потому, что Томо называл меня своей маленькой леди-адвокатом? Из-за того, что старик... по-своему заботился обо мне?

Прошрое ударило по рецепторам запахом дорогого скотча и мастики для кожаных диванов. В памяти отчетливо проступил огромный кабинет Брукса-старшего. Она, еще совсем зеленая стажерка, и седовласый гигант Томо, раскати-сто смеющийся над ее едкой правкой в договоре. Он тогда

одобрительно хлопнул ее по плечу и обернулся к сыну. Леон стоял у окна, сливаясь с тенью портьер. «Учись, мальчик. Вот где настоящие клыки, а не в твоих подворотнях», — сказал отец. Наследник не ответил. Лишь мазнул по Кейт темным, немигающим взглядом. Ни грамма эмоций. Чистая калибровка: оценивал, сколько весит этот новый объект и может ли он представлять опасность.

— Именно так. — Майкл понизил тембр. Эта имитация отцовского сочувствия раздражала сильнее крика. — Для него подпись — это тест. Проверка нашей памяти. Отправим чужака — он воспримет это как оскорбление праха отца. Отправим тебя... — Старик выдержал тяжелую паузу, вбивая гвоздь до конца. — Это будет больно, но доходчиво. Мы показываем, что помним слабости старика. И разыгрываем эту карту.

Кейт медленно сомкнула веки. Пространство сузилось. Из нее делали мишень, обтянутую подарочной бумагой. Живое напоминание о человеке, которого Леон потерял, и о предательстве, за которое он мстил. Ее бросали на стол как разменную фишку, не заботясь о том, что с этой фишкой делает другой игрок.

— Он вас ненавидит, — звук едва прошел сквозь сжатые связки. — Я для него — часть вашей системы. Вы отдаете меня на растерзание. Ему ничего не стоит сломать мне карьеру просто ради унижения фирмы. Или... — Она открыла глаза. Кондиционер снова ударил в спину, но теперь этот

холод проник глубоко под ребра. — Он найдет способ нака-
зать меня так, что сломанные ребра Лоуренса покажутся ме-
лочью.

Майкл не шелохнулся. Морщины у его рта углубились, но
он не отвел глаз. В его молчании читалась голая математика
бизнеса: это допустимый убыток. Плата за арабский капитал.

— В конце концов, Кейт, — тихо добавил он, — ты сама
давала обещание Томо.

Замок щелкнул. Упоминание мертвого наставника легло
на плечи бетонной плитой. Идеально выстроенная карьера и
статус только что рассыпались под тяжестью чужого давнего
слова.

— Он попросил тебя, — голос Майкла опустился, расте-
ряв привычный металлический лязг. В нем осталась только
глухая, оседающая усталость. — В тот день в палате. Когда
мы с Джорджем пришли прощаться. Он сжал твоё запястье
и сказал: «Присмотри за моим делом, малышка. И за моим
мальчиком, когда придет время». Ты кивнула. Слезы текли
по лицу, помнишь? И ты ответила: «Обещаю».

Память сработала как триггер. Резкий запах хлоргекси-
дина и увядающего тела. Огромная ладонь Томо, тяжелая и
уже стылая, в ее пальцах. Его помутневшие зрачки, слепо
шарящие по палате в поисках ее лица. Тогда Кейт была уве-
рена, что это морфиновый бред. Предсмертная лихорадка.
Она выдохнула то обещание из острой, режущей жалости к

легенде, которая угасала на больничной койке под ровный писк кардиомонитора.

— Морфий был ни при чем, — оборвал ее мысли Майкл. — Он находился в ясном уме и просчитал все до последнего шага. Томо переписал на тебя один процент акций Brooks Holdings. Не на Леона. Не на старых партнеров. На тебя. Чтобы в этой игре у тебя появилось право голоса. Чтобы ты пришла к его сыну не как курьер от конкурентов, а как совладелец. Хранительница его воли.

Пространство кабинета накренилось. Кейт вцепилась пальцами в край столешницы, чтобы удержать равновесие. Один процент. Не подарок. Удавка. И звенья этой цепи сомкнулись на ее горле только сейчас, спустя годы. Для Леона этот актив превращал ее не просто в адвоката по ту сторону баррикад. Она становилась узурпаторшей. Девчонкой, которой его покойный отец доверил свою империю в обход родной крови. Идеальная мишень для концентрированной, личной ненависти.

— Почему вы молчали? — В легких не осталось воздуха, слова прозвучали сухо, как трение наждачной бумаги. — Почему прятали это?

Майкл подался вперед. В его позе не было ни капли раскаения.

— Потому что ты — страховой полис. Вексель Томо на тот случай, если мы потеряем контроль. Если Леон решит стереть нас в порошок. Ты была его тузом в рукаве. Блестя-

щей фигурой, которую мертвец выставил на доску. И сейчас, Кейт, настала твоя очередь сделать ход.

Старик накрыл широкой ладонью кожаную папку.

— Ты войдешь в кабинет Леона Брукса не как наш сотрудник. Ты войдешь туда как миноритарный акционер его холдинга. Ты заставишь его подписать эти бумаги, чтобы спасти дело Томо от ликвидации. И чтобы... — Майкл замолчал. Звук работающего кондиционера вдруг показался оглушительным. — Чтобы напомнить Бруксу-младшему, чью кровь он носит. Отца-джентльмена, державшего слово, а не уличного головореза.

Тишина стала плотной, осязаемой. Архитектура ловушки захлопнулась с математической точностью. Отказаться — значит растоптать последнее слово, данное единственному человеку в этом городе, который относился к ней по-человечески. Пойти туда — значило добровольно спуститься на территорию хищника, который давно выписал ей заочный приговор.

Кейт медленно расправила плечи. Мышцы спины заныли от перенапряжения, но она заставила себя держать осанку. Паника, еще секунду назад разгонявшая пульс до предела, свернулась в тугую, контролируемый узел где-то под диафрагмой. Радужки потемнели, сбросив растерянность. Включился профессиональный режим — стерильный, лишенный эмоций фокус.

— Я поняла, — фраза прозвучала глухо, но голос не дрог-

нул ни на герц.

Внешний контур держался безупречно, но под тканью жакета по коже бежал микроскопический, почти болезненный озноб. Это не было примитивным животным страхом перед физической расправой. Это был страх перед вскрытием старых шрамов. Страх, что в бронированном кабинете Брукса-младшего она столкнется не с беспринципным рейдером, а с надломленным сыном, чью рану она сама же сейчас и расковыряет.

Пальцы сомкнулись на кожаном переплете папки. Гладкая поверхность обжигала холодом. За панорамным стеклом плавился в утренних пробках беззаботный мегаполис. У нее в ежедневнике на половину первого значился ланч с Женькой, а вечером — поход за новыми лодочками. Стерильный, предсказуемый вторник корпоративного юриста.

Но теперь воздух в легких отдавал металлическим привкусом старых, невыплаченных долгов.

Глава 2

Кейт развернулась к выходу. Звук ее шагов по паркету казался слишком громким. Она вцепилась в кожаный торец папки так, что ногти болезненно впились в ладонь. Майкл молча кивнул на глухую панель в стене — скрытый лифт для старших партнеров, уходящий шахтой прямо в бетонное брюхо подземного паркинга.

Внизу, под гудение люминесцентных ламп, ее ждал не корпоративный седан. Матово-черный Audi A8 L Security. Бронированная капсула с утолщенными стеклами и тяжелыми стойками. Эмаль не отражала тусклый свет гаража — она его поглощала. У пассажирской двери дежурил не шофер. Мужчина с тяжелой челюстью и цепкой моторикой. Под идеальным кроєм серого пиджака угадывалась асимметрия от скрытой кобуры. Он потянул на себя бронированную створку — та поддалась с тихим, маслянистым щелчком.

— Мисс Риччи, — глухой баритон, лишенный любых обертонов.

Кейт шагнула внутрь. В салоне пахло дорогой выделкой кожи, озоном и едва уловимо — оружейным маслом. Пространство, зашитое в алькантару и авиационный алюминий, изолировало от внешнего мира, как вакуумная камера. Ни фонового радио. Ни стекла переговорного устройства. На

массивном центральном подлокотнике — хрустальный стакан с водой. Только давление абсолютной тишины и низкая вибрация трехсотсильного мотора где-то глубоко под днищем.

Она опустилась на сиденье, машинально прижав папку к бедрам. Ауди тронулась с места без рывка — Кейт ощутила движение лишь по тому, как поползли назад бетонные опоры паркинга. Они вышли не через главные ворота, а по служебному пандусу, вынырнув в слепую зону переулка в обход уличных камер.

— Маршрут согласован? — спросила она просто для того, чтобы разбить вакуум салона.

— Да, мисс, — затылок водителя остался неподвижным.

За многослойным тонированным триплексом проносился утренний трафик: светофоры, витрины, потоки людей. Кейт смотрела на этот размытый мир сквозь собственное бледное отражение. Один процент. Цифра пульсировала в висках, ощущаясь физической тяжестью, привязанной к лодыжкам.

На перекрестке она достала телефон. Попасть подушечкой пальца по нужной иконке в контактах удалось только со второго раза — мелкая моторика сбоила. Прижала аппарат к уху.

— Женька, ланч отменяется, — перебила она приветствие подруги. — Все в порядке. Форс-мажор по сделке.

Кейт сбросила вызов, не дожидаясь расспросов. Кислорода в бронекапсуле вдруг стало катастрофически мало.

Они вышли на набережную. Кейт нажала кнопку стеклоподъемника — тяжелое стекло опустилось лишь на пару дюймов, впустив в салон сырой сквозняк с реки, пахнущий ржавчиной и илом. Втянула воздух носом. В детстве, перед первым днем в новой школе, она считала вдохи: раз, два, три. Сейчас эта арифметика не спасала от спазма в груди.

Охранник за рулем не произносил ни звука. Его глаза методично отрабатывали зеркала заднего вида, сканируя трафик. Он не вез пассажира. Он конвоировал актив. Вез ее не на переговоры, а на передачу в другие руки.

Кейт сомкнула челюсти так, что заныли суставы. Леон Брукс. Говорили, что однажды на складах в доках он голыми руками... Она заставила себя перевести взгляд на спинку переднего сиденья, отсекая эту мысль на корне.

В ладони коротко завибрировал телефон. Входящее от Майкла:

«Он знает о проценте. Держи удар. Не провоцируй».

Желудок стянуло судорогой. Простая враждебность отменялась. Начиналась зона боевых действий. Она провела пальцем по молнии сумки — там, во внутреннем кармане, лежал диктофон. Бессмысленная мера. Служба безопасности Брукса выпотрошит ее вещи еще в входе, если он отдаст приказ.

Ауди свернула в закрытый сектор пригорода. За глухими монолитными оградами и кронами вековых кедров скрывалась недвижимость, которой не было в публичных кадаст-

рах. Они затормозили перед сплошными стальными воротами черного цвета, украшенными литыми львиными головами. Ни панелей интеркома, ни видимых линз наблюдения. Металл просто пополз в сторону, опознав сигнал.

Шины зашуршали по идеально выровненной гравийной аллее. Стриженные геометричные тисы выстраивались в глухой коридор. В конце этой перспективы вырастал не классический особняк, а бруталистский бетонно-стеклянный бункер. Гладкие плоскости, черное стекло, острые углы. Здание напоминало отполированный до зеркального блеска монолитный саркофаг. Ни движения. Ни намек на жизнь внутри.

Автомобиль замер у широких ступеней. Конвойный покинул салон, обогнул капот и потянул ручку двери со стороны Кейт.

— Вас встретят, — произнес он. На долю секунды в его ровной интонации проскользнула чужеродная нота. То ли профессиональное предупреждение, то ли сочувствие к идущему на эшафот.

Кейт поставила ногу на каменные плиты. Дробный хруст гравия под шпилькой ударил по нервам. На открытом пространстве не было ветра, но атмосферное давление ощущалось почти физически, закладывая уши. Она перехватила папку поудобнее, прижимая локоть к ребрам, чтобы унять мышечный тремор. Правая рука осталась свободной — инстинктивная готовность к самозащите.

Массивная входная створка ушла внутрь. На пороге, на

фоне холодного студийного света холла, вырисовался высокий, болезненно-худой женский силуэт. Серое платье-футляр, глухой ворот. Лидия Борисовна. Седина, стянутая на затылке так жестко, что кожа на висках натянулась, обнажая геометрию черепа.

Водянистые, хирургически-цепкие глаза прошлись по Кейт сверху вниз. Две секунды — и личный секретарь Брукса сняла полную телеметрию: бренд пиджака, степень напряжения плеч, сбитый ритм дыхания. И цену, которую Кейт заплатит за этот визит.

— Мисс Риччи. — Голос Лидии прозвучал сухо, с едва уловимым гортанным акцентом. — За мной. Мистер Брукс в оранжерее.

Она не повела Кейт через парадный холл. Начался логистический лабиринт. Сначала — тесная, обшитая тусклой медью кабина, поднявшая их на технический уровень. Затем — глухой бетонный коридор, где источником света служили лишь диодные полосы, вмонтированные в плинтус. Геометрия переходов намеренно ломала вестибулярный аппарат, стирая внутреннюю карту здания и забирая контроль над пространством.

В конце маршрута стена расступилась, обнажив капсулу из затемненного стекла и оружейной стали. Больше похоже на шлюз банковского хранилища, чем на лифт. Лидия вжала ладонь в биометрический сканер. Массивные створки разошлись.

— Ваш этаж, — произнесла секретарь, оставаясь снаружи. В ее бесцветных глазах читалась жесткая констатация факта: граница пройдена, теперь ты на его территории.

Лифт пошел вверх с такой тягой, что желудок прилип к позвоночнику. Сквозь тонированное стекло проносились слепые этажи — ряды закрытой чехлами мебели, мертвые, безлюдные пространства. Перегрузка спала. Кабина не вывела ее в очередной коридор — створки разошлись, выплюнув Кейт прямо в эпицентр гигантского кабинета.

Первое, что обрушилось на барабанные перепонки — вакуумная, тяжелая тишина. Второе — агрессивный свет.

Верхний ярус бункера оказался колоссальной теплицей с панорамными окнами и стеклянным куполом. Слепящее дневное солнце било сквозь перекрытия косыми жесткими лучами, прорисовывая резкие тени на полу. Но, несмотря на свет, воздух в помещении оставался выхолощенным, настроенным на температуру серверной комнаты.

В центре, спиной к свету, стояла массивная фигура. Леон Брукс.

Он повернул голову. Солнце выхватило жесткую, архитектурную лепку профиля — тяжелый излом челюсти, выступающие скулы, темные короткие волосы. Когда он сделал шаг из контрового света, Кейт увидела его глаза. Янтарные. Но без медовой мягкости — это был оттенок застывшей канифоли. Радужки сфокусировались на ней с точностью баллистического прицела: ни удивления, ни любопытства. Голый,

животный скрининг угрозы.

Брукс развернулся полностью и пошел на нее. Шаг широкий, выверенный, ни одного лишнего движения плеч. При его габаритах он двигался абсолютно бесшумно, съедая метры пространства так, что кислород вокруг него, казалось, выгорал.

— Кто вы? — Тембр опустился до низких, грудных вибраций. Звук ударил по нервам физически. Это был не вопрос, а приказ немедленно обосновать свое право находиться в его зоне. — Вы принесли контракты от тех, кто забрал у моего отца остаток жизни.

Он замер меньше чем в полуметре от нее. Из-за разницы в росте его тень полностью поглотила Кейт, отрезая от солнечного света. От ткани его костюма тянуло жаром крупного мужского тела, смешанным с жестким, въедливым запахом: сандал, дорогая шерсть и статический озон, будто где-то рядом искрил оголенный провод.

Диафрагму свело. Заготовленная юридическая формула, которую она по слогам прокручивала в голове всю дорогу, намертво застряла в пересохшей гортани. Кейт заставила себя не отступить ни на миллиметр, хотя тело инстинктивно требовало разорвать дистанцию от этого нависающего прессы.

Его тяжелый, сканирующий взгляд мазнул по кожаной папке, в которую намертво вцепились ее пальцы, медленно поднялся к шее и зафиксировался на лице. На дне золотых

зрачков проступило абсолютное, стерильное презрение.

Глава 3

Сердцебиение отдавалось глухими толчками где-то в основании шеи, мешая глотать. Кожаная папка в руках показалась инородным предметом — тяжелым, стягивающим мышцы предплечий вниз.

В его канифольных радужках не читалось ни грамма сомнений: перед ним стоял враг. Не переговорщик. Не юрист. А живое наследие предательства, упакованное в темно-синий твид. Преодолевая мышечный ступор, Кейт заставила себя перенести вес на носок туфли и сделать полшага вперед. Не назад. Вплотную к границе его личного пространства. Брукс не шелохнулся, принимая это сокращение дистанции.

Его веки едва заметно опустились.

— Я знаю всех юристов в этом городе. — Голос Леона не вибрировал, он вдавливал в пол. Каждое слово ложилось в тишину ровно, без резонанса. — Всех, кто имеет хоть какой-то вес. Вас в этом реестре нет.

Никакой злости. Чистая, стерильная констатация системной ошибки, подлежащей устранению.

Правая рука Брукса плавно пошла вверх. Движение было медленным, текучим, пальцы скользнули к левому борту пиджака — туда, где под дорожкой тканью угадывалась асиммет-

рия скрытой кобуры. Он потянулся не за оружием. Он демонстрировал тотальный контроль над ситуацией. Инстинкт вытолкнул слова из ее легких раньше, чем он закончил этот жест:

— Я была младшим партнером вашего отца.

Слова повисли в сухом воздухе оранжереи. Разница температур между ледяным кондиционированием зала и жаром, исходящим от массивного тела Леона, создавала ощутимую границу, через которую они сейчас смотрели друг на друга.

Рука Брукса замерла на лацкане.

— Партнер моего отца, — протянул он, словно проверяя это словосочетание на излом. — Забавно. Старик никогда не упоминал о... компаньонке. Тем более, с таким коротким сроком годности.

Он подался вперед. Контровое солнце ударило Кейт по глазам, превращая лицо мужчины в нечитаемую, графичную маску. В стекле за его спиной она уловила собственное отражение — узкие плечи, неестественно прямая спина. Слишком хрупкая конструкция для этой архитектуры.

— И какова была специфика вашего... партнерства? — Брукс сбросил громкость почти до шепота, но этот шепот обладал плотностью свинца. — Зачем вас прислали ко мне?

Кейт заставила подбородок остаться параллельным полу.

— Это его личное распоряжение, — ответила она.

Скорость речи выдавала ее с головой — слова выскочили слишком плотной сцепкой, без нужных пауз.

— В завещании указано, что у вас находятся оригиналы допсоглашений с саудитами. Поэтому я здесь.

Мышцы на скулах Леона напряглись. Всего один микроскопический тик под кожей, но он выдал то, что скрывал фасад: она попала в оголенный нерв. Тем не менее, его тяжелый, препарирующий взгляд продолжил сканировать ее ключицы, линию шеи, губы — медленно, разбирая на фрагменты, оценивая подноготную.

И унижительный, раздевающий осмотр внезапно прорвал дамбу ее выдержки. Натянутая струна лопнула.

— Хватит меня препарировать, — сухо и зло выдохнула Кейт. Голос сел, обнажив глухую усталость, накопившуюся с самого утра. Фильтр корпоративной вежливости отключился. — Вы за кого меня держите, Брукс? За подстилку вашего отца?

Только выпустив эти слова, Кейт осознала, насколько глубоко вторглась в его личную зону. Дистанция сократилась до критического минимума. Сквозь плотную ткань жакета она улавливала жар, исходящий от массивного мужского тела. К запаху сандала и шерсти теперь примешивалась острая, почти осязаемая нота тяжелого адреналина.

— Да пошли вы... — выдохнула она. Фраза, начавшаяся как вызов, осела до глухого, сдавленного шепота.

Леон не сдвинулся ни на миллиметр. Его взгляд медленно, словно считывая показания датчиков, скользнул по ее кистям, намертво впившимся в переплет папки. Он на секунду

задержал фокус на тонкой вздувшейся венке у ее запястья, а затем неспешно поднял глаза к ее лицу.

Жесткая статика его скул изменилась. Губы Брукса дрогнули и изогнулись в короткой, абсолютно беззвучной усмешке. В ней не было ни капли веселья — лишь сухое, циничное удовлетворение взломщика, успешно обошедшего первый контур чужой защиты.

— Вот теперь ты хотя бы не притворяешься, — низко произнес он. Формальное «вы» исчезло из его лексикона, отсекая корпоративные рамки. — Продолжим?

Кейт попыталась сглотнуть. Пересохшая слизистая гортани отозвалась тупой, царапающей болью. Она заставила себя коротко, дергано кивнуть. Другого выхода просто не существовало.

В ту же долю секунды тень усмешки стерлась с лица Леона, оставив после себя лишь глухую, давящую концентрацию. Желваки на его челюсти тяжело перекатились под кожей. Янтарные радужки потемнели, стягивая фокус в одну точку. И, прежде чем Кейт успела набрать воздух для следующего вдоха, Брукс шагнул вплотную и перехватил ее руку.

Папка скользнула вниз, но Кейт чудом успела прижать ее к бедру свободной рукой. Пальцы Леона на ее запястье сомкнулись так, что кровоток мгновенно перекрыло. Кисть начала терять чувствительность.

— Ты ошибаешься, — выдохнул он, дернув ее на себя. Дистанция сократилась до абсолютного, подавляющего ну-

ля. Теплое, обжигающее дыхание коснулось ее виска, создавая жуткий, дезориентирующий контраст с его мертвым тоном. — Мой отец мертв. Три года назад он поймал пулю. Пулю, на которой было мое имя.

Его грудная клетка тяжело поднялась и опустилась прямо напротив ее лица.

— Из чего следует, что ты либо бракованный курьер, либо наглая лгунья. В моей экосистеме обе категории списываются в утиль с одинаковыми последствиями. Кто тебя послал и что тебе нужно?

Кейт рванулась назад, пытаясь выкрутить запястье, но его пальцы держали мертво, пережимая кость без единого лишнего движения. Боль заставила ее коротко, судорожно втянуть воздух.

— У меня распоряжение от Томо! — голос сорвался, утратив всю адвокатскую гладкость. — Да пусти ты руку! Распоряжение активно и после его смерти. Его никто не отменял!

Брукс не ослабил давление, но геометрия его лица неуловимо изменилась. Слепая агрессия на дне янтарных радужек кристаллизовалась в холодный, препарирующий расчет — словно он прогонял полученную информацию через внутренний детектор лжи.

— Посмертное поручение, — ровно повторил он, тестируя слова на прочность. — Значит, сделка с саудитами. Старый, висящий актив.

Его пальцы разжались. Кровь горячей волной ударила в кисть Кейт, отзываясь покалыванием под кожей. Леон сделал короткий, выверенный шаг в сторону, корпусом перекрывая траекторию к выходу. Рука скользнула за борт пиджака. Вместо оружия он извлек плоский серебряный портсигар. Металл щелкнул под нажимом большого пальца — резкий, звонкий звук, разрезавший тишину оранжереи.

— Он оставил кодовое слово. Назовешь его — и мы сядем за стол, — Брукс неспешно достал сигарету, но не стал ее прикуривать, просто зажав между пальцами. — Ошибешься — и твою следующую реплику будет протоколировать моя служба безопасности на минус втором этаже.

Кейт растерла кожу на запястье. Под подушечками пальцев наливались жаром пульсирующие, вдавленные следы от его хвата.

— Может, все-таки заглянешь в контракты? — Она вложила в тон максимум сухой иронии, маскируя мышечный тремор. — Игры в пароли это дешевый шпионский прием.

Леон не прикурил. Сигарета медленно перекатывалась между его длинными пальцами. Радужки впитали окружающий свет, потемнев до цвета старой бронзы. Ни грамма эмпатии. Чистая, стерильная калибровка цели.

— Цифры в контракте легко перебить, — ровно ответил он. — Слово - нет. Оно принадлежало только ему и человеку, которому он доверял спину. Твой последний шанс.

Воздух в оранжерее, казалось, вымерз. Брукс чуть нахло-

нил голову, ловя ее взгляд:

— Или ты предпочитаешь полную процедуру верификации? Моими методами?

Кейт стиснула челюсти. Инстинкт «бей или беги» выбрал кинетику. Она выбросила вперед руку, с силой упершись ладонью в его грудь, рассчитывая прорвать дистанцию и пройти мимо. Ощущение было таким, словно она попыталась сдвинуть несущую балку. Под дорогой тканью не дрогнул ни один мускул. В ту же долю секунды его рука жестким, просчитанным рывком сомкнулась на ее плече, намертво фиксируя Кейт на месте.

— Фатальная ошибка, — голос Леона опустился до низких, вибрирующих нот. Никакой агрессии. Идеально спокойный демонтаж.

Его свободная рука скользнула к вырезу ее жакета. Это не было сексуальным притязанием — чистый, техничный до-смотр. Два пальца уверенно поддели край шелковой блузки, мазнули обжигающим холодом по коже ключицы и проникли под плотный контур bra.

Одно короткое движение наружу. Он поднял кисть на уровень ее лица.

Не застежка.

Не оторванная нить.

Микронакопитель.

Черный, размером с ногтевую пластину, с матовым швом микропайки. Леон держал его между большим и указатель-

ным пальцами, перекатывая, как фишку над игорным столом, где ставки только что превысили стоимость жизни.

— Качественные курьеры не ходят обвешанные прослушкой, — произнес он. Интонация стала пустой, как у хирурга после окончания протокола. — Кто заказчик? Интерпол? Конкуренты?

Кейт перестала дышать. Фокус сузился до черного квадрата в его пальцах. Шок оказался настолько реальным и физическим, что в груди на секунду пропал пульс. Майкл. Старик повесил на нее жучок.

— Это не мое, — связки сжались, вытолкнув слова на октаву выше привычного тембра. — Ты сам его подкинул!

В гортани Брукса перекатился короткий, сухой звук. Смех человека, давно забывшего механику радости. Он поднес чип еще ближе к ее глазам, заставляя смотреть на улику.

— Подкинул? За те три секунды, что ты находишься в моей зоне? Ты недооцениваешь мой контроль и переоцениваешь свои таланты прикрытия.

Он разжал хватку на ее плече, но атмосферного давления не убавилось. Развернувшись, Леон сделал два размеренных шага к столу из африканского дуба и положил накопитель рядом с клавиатурой. Аккуратно, выверяя геометрию, как шахматную фигуру перед финальным матом.

— Теперь у нас ровно два сценария, — произнес он, не оборачиваясь. — Либо ты даешь раскладку по заказчику... Либо я вскрываю этот чип и сам смотрю протоколы передачи

данных. Можешь прикинуть, какой из вариантов оставит на тебе меньше синяков.

Кейт выбрала третий.

Не оправдания.

Не признание.

Рывок.

Дистанция между ними составляла три метра. Как только его тяжелая тень перестала давить на ее пространство, освободив коридор, Кейт сорвалась с места.

Низкий, устойчивый каблук офисных лодочек позволил Кейт стартовать без пробуксовки по гладкому полу. Но Брукс даже не попытался броситься следом. Он не сдвинулся с места.

Лишь плавно поднял левую руку и вдавил скрытую кнопку на внутренней кромке своих часов.

Щелчок.

Неумолимый, массивный. Свинец ригелей намертво вошел в пазы стальной рамы, отсекая выход.

— Электронная блокировка, — ровно произнес Леон, все еще обращаясь к ее спине. — Базовый протокол безопасности.

Он начал поворачиваться. Медленно, методично стягивая пиджак. Скинул его на спинку кресла — ни одной лишней складки. Пальцы перешли к запонкам. Серебро сухо звякнуло. Затем поддалась верхняя пуговица рубашки. В этой размеренной, почти бытовой моторике читалась неотврати-

мость, от которой пространство оранжереи начало сужаться.

И тогда Кейт поняла: три метра до двери были не дистанцией. Это был хронометраж. Время до того момента, когда он закончит распаковывать свою физическую силу.

Его голос падал в тишину тяжелыми бетонными блоками.

— Вариант номер три. Бегство. Моя охрана имеет четкие инструкции. Пока я не сниму блок, сюда никто не войдет. Лимит времени исчерпан, Кейт.

Паника ударила в виски плотным, тяжелым пульсом, но Кейт заставила себя развернуться. Адреналин выжег страх, оставив только холодную необходимость выжить.

— Хорошо, — звук прошел сквозь связки жестко, как при зачитывании судебного иска. — Кодовое слово: Якудза.

Слог упал на ковер и повис в воздухе.

Брукс замер. Мышечный каркас под его рубашкой мгновенно окаменел. Идеально выверенная геометрия лица дала сбой — на долю секунды челюсть дернулась, выдавая острую, почти физическую боль, прежде чем он снова запечатал ее глубоко под кожу.

— Якудза...

Слово прозвучало странно. С легкой горечью, словно он перекачивал на языке привкус пороха. Леон шагнул к панели у двери и вжал ладонь в сканер. Пневматика тяжело выдохнула, убирая стальные затворы.

— Это не код, — произнес он, не убирая руки от панели. — Это имя. То, как его называли, пока он не стал моим от-

цом. Имя, известное только нам двоим.

Брукс повернулся. Его плечи все еще сохраняли жесткую линию обороны, но в фокусе янтарных глаз появилось нечто новое. Из них ушла стерильная угроза. Осталось тяжелое, вынужденное признание.

— Он действительно доверял тебе. Прошу прощения за... досмотр. В моей экосистеме доверие — дефицитный ресурс. Присаживайтесь. Что он просил передать?

Кейт не сдвинулась с места. Груз пережитого напряжения требовал немедленного выхода из этой зоны.

— Знаете что, мистер Брукс, — она перенесла вес на носок, готовясь перешагнуть открытый порог. — Я организую доставку документов по защищенному каналу. Вы изучите их сами. Я адвокат, а не участник ваших игр на выживание.

Леон не стал блокировать ей путь. Только его голос догнал ее уже в приемной:

— Юрист. Это многое объясняет.

Он достал из внутреннего кармана плотный кусок матового черного металла — визитку без имени, только гравировка цифр.

— Отправите пакет сюда. Зашифрованный шлюз. Если в бумагах старика скрыто то, о чем я думаю... вам понадобится не адвокатская лицензия. Вам понадобится моя защита. И я предлагаю ее только один раз.

Карточка легла на край стола.

Кейт остановилась. Она посмотрела на Брукса, затем на

массивную дверь, которая в любой момент могла снова превратить ее в заложницу. Опускаться до словесных перепалок она не собиралась.

Она наклонилась и стянула правую туфлю. Движение было нарочито спокойным, как у хирурга, выбирающего инструмент. Вставила обувь прямо между косяком и стальной панелью, намертво заклинив дверной механизм. Ее выход больше от него не зависел.

Затем Кейт посмотрела Леону прямо в глаза.

— Считаете, что незаконное удержание человека работает вам на пользу? — поинтересовалась она будничным тоном.

Она сняла левую туфлю. Кожаная лодочка удобно легла в ее ладонь. Четыре сантиметра стального супинатора, зашитого в плотную кожу. Вполне рабочий аргумент для проби-вания височной кости, если переговоры снова зайдут в тупик.

Босиком, но вооруженная, она сделала шаг обратно к его столу.

Кейт опустила взгляд на матовый прямоугольник металла, затем снова перевела фокус на Леона.

— Всегда такая щедрость к незванным гостям?

Свободной рукой она извлекла из кармана жакета шелковый платок. Накинула его на пальцы и только после этого прикоснулась к визитке, сдвигая ее к краю столешницы. Брукс наблюдал за этой операцией с абсолютно непроницаемым лицом.

— Законность вопрос эластичности, — произнес он. Натяжение его лицевых мышц едва заметно изменилось. Не улыбка, а короткий проблеск темной иронии. — Особенно когда в моем кабинете обнаруживается юрист, обвешанный аппаратурой и бросающийся именами мертвецов. А насчет гостеприимства... мисс Риччи, у вас целы кости, и вы беспрепятственно идете к выходу. В моей экосистеме это высшая форма гуманизма.

Леон откинулся на спинку кресла. Пальцы привычно сплелись в жесткую пирамиду.

— Ткань барьера. Опасаетесь отпечатков? Старик хорошо вас натаскал... или это базовая паранойя?

Кейт чуть вздернула подбородок:

— Или на металле слой флуоресцентного маркера. Чтобы отследить маршрут передачи. А может, контактный токсин. Пакет с документами уйдет в среду.

Он неспешно кивнул. В этом жесте скользнуло нечто похожее на признание — холодное и осторожное, как первый лед. Брукс поднялся, обогнул стол и направился к выходу. Кейт инстинктивно напряглась, когда он прошел вплотную к ней, но он лишь наклонился к дверному проему.

Одним коротким рывком Леон выдернул заклинившую туфлю. Он обернулся и протянул ее Кейт, удерживая за тонкую шпильку.

— Металл чист. Никаких токсинов, только прямой канал связи. — Его голос зазвучал ниже, почти на грани вибрации.

— И примите совет. В следующий раз, когда беретесь доставлять послания с того света, выбирайте функциональную обувь. Супинатор — так себе аргумент. Особенно против таких, как я.

Он отступил на шаг, возвращая в радиус ее дыхания кислород.

Кейт забрала лодочку. Губы ее тронула жесткая, невеселая усмешка.

— Томо любил повторять: если получаешь что-то даром, к вечеру отдашь вдвойне. Странно, что с такой философией он не назвал вас Мидасом. Всего доброго, мистер Брукс.

Она уже переступала порог, когда его ровный тон настиг ее спину:

— Проверьте сумку. На случай, если в процессе досмотра я... приложил к вашим бумагам встречный аргумент.

Кейт вышла в приемную, неся туфли в руках. Походка оставалась идеально прямой, несмотря на босые ступни. Секретарь подняла взгляд от монитора. В ее водянистых глазах застыло не скрываемое, препарирующее любопытство.

Она остановилась.

— Что не так, Лидия? — голос прозвучал сухо, с металлической крошкой адвокатской стервозности. — Обычно отсюда выносят ногами вперед? Верните фокус в монитор. Сквозное сканирование нарушает субординацию.

Кейт опустилась на жесткий кожаный диван. Методично обулась. Визитку, все так же завернутую в шелк, убрала во

внутренний карман жакета. Секретарь больше не проронила ни звука, лишь поджала тонкие губы, превратившись обратно в статусную мебель.

Покинув приемную, она шагнула в кабину лифта. Только когда медные створки с шипением сомкнулись, отрезая ее от периметра Брукса, она позволила себе рваный, судорожный выдох. Пальцы нырнули на самое дно сумки.

Под слоем документов они нащупали тяжелый, холодный предмет, которого там не было утром. Кейт вытянула его на свет диодных ламп.

Массивный серебряный перстень-печать.

Металл был потерт по краям — след многолетнего трения о чужую кожу. Глубокая гравировка: ветвь сакуры, обвитая телом дракона. Она видела этот символ лишь однажды — на архивной фотографии Томо Брукса в окружении японских партнеров. На внутренней стороне кольца виднелась крошечная, нанесенная резцом фракция: «1/2».

Кейт сжала перстень в кулаке. Острые грани рельефа больно впились в ладонь.

Это был не сувенир на память. И не извинение за грубый обыск.

Это был ключ. Пропуск в закрытую зону. И ультиматум, от которого невозможно отказаться.

Глава 4

Кейт вошла в кабинет Майкла ровно в семнадцать ноль-ноль. Не постучав. Массивная дверь глухо ударилась об ограничитель.

Она подошла к столу и сбросила на полированное дерево два предмета. Первой легла матово-черная визитка в шелковом платке. Вторым, с тяжелым стуком, припечатавшим тишину — массивный серебряный перстень.

— Какого черта, Майкл? — Голос Кейт не сорвался на крик, но децибелы упали так низко, что звук почти осязаемо завибрировал в стеклах книжных шкафов. — Я старший юрист по корпоративному праву. Не наживка. Не полевой агент. И уж точно не курьер-смертник с прослушкой под бельем.

Она оперлась обеими руками о край его стола, нависая над начальником.

— Ты отправил меня в бункер к параноику, у которого контроль возведен в абсолют. Если ты хотел сорвать сделку с саудитами, мог бы просто сжечь контракты. Брукс нашел твой жучок за три секунды. В следующий раз, когда решишь поиграть в шпионов — иди к нему сам.

Майкл не дрогнул. Он аккуратно подцепил визитку в шелке, даже не коснувшись карточки пальцами, и сдвинул ее в

прозрачный пластиковый зип-пакет. Затем перевел взгляд на кольцо.

— Прослушка была необходимой мерой, Кейт. Мне нужно было знать, как он отреагирует на твое появление. И судя по тому, что ты принесла его личный контакт, — старик сделал паузу, разглядывая серебро, — ты справилась с задачей лучше, чем я мог рассчитывать. Томо доверял только двоим: мне и сыну. Теперь этот список расширился.

Глубокие морщины на лбу Майкла разгладились, сменившись жесткой, холодной сосредоточенностью.

— Это не сувенир, — произнес он, и в его тоне исчезла привычная снисходительность. — Это хан. Личная печать главы клана. Старик носил ее не снимая, пока не ушел в тень. Если Леон отдал ее тебе... он не просто принимает условия по документам. Он дает тебе допуск. И берет на себя обязательства.

Кейт отошла к кофемашине. Мышцы спины сводило тупой, ноющей судорогой после пережитого адреналина. Она налила двойной эспresso, надеясь, что горечь смывает металлический привкус стресса с рецепторов.

— Звучит так, словно на меня надели дорогой ошейник, — сухо отчеканила она, обернувшись. — Что это значит практически?

Майкл медленно снял очки.

— Это значит, что ты больше не просто юрист. В их экосистеме ты стала канрёкуся — связующим звеном. Человеком,

чью неприкосновенность признали обе стороны. Носить этот перстень — все равно что ходить под его личным щитом.

— Я не подписывалась на роль посла в мафиозном картеле, — Кейт сделала обжигающий глоток. — Я верну ему кольцо в среду вместе с контрактами. С меня хватит. Он, конечно, отбитый контрол-фрик, но манеры у него вполне цивилизованные. Никто никого не убивает. Мы закроем сделку и разойдемся.

Старик плеснул себе на два пальца чистого виски из графина. Пил он на работе крайне редко, и один этот жест красноречиво обрисовал реальный уровень угрозы.

— Цивилизованные? — эхом отозвался он. — Этот «цивилизованный» мальчик за восемнадцать месяцев стер в пыль три конкурентных синдиката. Не выходя из своего стеклянного бункера. Только цифры, компромат и точечные удары по болевым точкам.

Майкл сделал глоток. Его взгляд уперся в Кейт, тяжелый и непреклонный.

— Он не кричит и не размахивает битой, потому что мыслит на десять ходов вперед. Для Леона Брукса попытка вернуть хан — это не отказ от сделки. Это личное оскорбление. Нарушение порядка. А порядок — это единственное, что он уважает больше собственной власти.

Старик поставил стакан на столешницу. Хрусталь глухо звякнул о дерево.

— Если ты не явишься в среду или попытаешься сбросить

этот статус, он воспримет это как плевок на могилу отца. Ты не просила этой роли. Но мертвый Брукс выбрал тебя, а живой — принял правила игры. От таких вещей не отказываются, Кейт. Ты пойдешь туда. С кольцом и документами. И будешь вести себя так, словно этот статус — твое законное право. Это единственный способ выйти из его игры с целой карьерой. И целой спиной.

Кейт отвернулась к панорамному окну, спасаясь от резко-го офисного света. Глубокий, тяжелый выдох сорвался с губ сам собой — адреналиновая пружина внутри начала медленно раскручиваться, оставляя после себя лишь физическое истощение и сосущую пустоту под диафрагмой.

— Хорошо, — произнесла она глухо. — Допустим. Клиент и закон — наша работа. Но старик Брукс играл по другим правилам. А Леон... сегодня он упомянул ту «ночь без камер». — Она устало потерла переносицу. — Это не просто незакрытый гештальт, Майкл. Это открытый перелом, с которым он живет уже три года. Для человека с его уровнем контроля любая уязвимость невыносима. Насколько он опасен для меня лично?

Майкл отодвинул свой бокал. Хрусталь скользнул по дереву почти беззвучно. Он устремил взгляд на город, размытый осенним ливнем.

— Бояться? Бессмысленно. Страх для него — просто еще один рычаг управления. Он даст тебе иллюзию контроля, позволит поверить, что ты ведешь партию, а потом хладно-

кровно выбьет стул из-под ног. Уважать — да. Просчитывать каждый шаг — обязательно. Даже когда будешь уверена, что заперлась в собственной квартире на три электронных замка.

Старик повернулся. Морщины вокруг его рта казались высеченными из камня.

— Леон держал умирающего отца на руках. Он вытеснил это, забетонировал, выстроил вокруг себя империю. Тот факт, что он вообще заговорил с тобой об этом — критический маркер. Он видит в тебе артефакт прошлого. Это делает тебя неприкосновенной для чужих, но абсолютно уязвимой для него самого. Ты сейчас держишь в руках активированный детонатор, Кейт.

Майкл подался вперед, понизив голос до жесткого, предостерегающего полусшепота:

— Не делай резких движений. Не пытайся его переиграть. Такие люди позволяют подойти близко только тем, кто не держит нож за спиной. Но никогда не забывай: он хищник. И его инстинкты всегда работают на опережение.

Кейт плотно сжала губы, подавляя желание поежиться. В районе солнечного сплетения разливалась физическая тяжесть.

— На сегодня всё? — сухо уточнила она, перекладывая документы на столе, чтобы занять руки, в которых все еще гудела остаточная вибрация перегруза.

Майкл придвинул к себе ежедневник.

— Подготовь чистый пакет документов по шейхам. Ника-

ких закладок, никаких сюрпризов. И... — он поднял на нее тяжелый, оценивающий взгляд, — надень в среду что-нибудь практичное. Брюки. Плоский ход. То, что не будет сковывать движений, если ситуация выйдет из-под контроля.

Он выдержал паузу, убеждаясь, что она уловила подтекст. — И главное: не надевай перстень. Держи при себе, но не на пальце. Надеть его — значит принести публичную присягу. К этому ты пока не готова. А Брукс не прощает фальстарта.

— Я поняла, Майкл.

Кейт опустила серебряный перстень во внутренний карман сумки. Металл лег на дно с глухим, увесистым стуком.

До конца рабочего дня она методично вычитывала контракты, но концентрация то и дело давала сбой. Фантомное ощущение жестких пальцев Леона на ее плече не исчезало — кожа под шелком словно запомнила резкий перепад температур. Перед глазами стоял его препарирующий, лишенный человеческой теплоты взгляд. И слово «Якудза», осевшее на языке привкусом жженого пороха.

В тот момент, в его бронированном оазисе, она впервые за многие годы ощутила себя абсолютно незащитной. И это чувство никуда не делось. Оно просто свернулось на дне ее сумки, рядом с тяжелым серебряным кольцом. Как часовой механизм, монотонно отсчитывающий часы до среды. До того момента, когда ей снова придется переступить порог его бункера.

Глава 5

Среда. Половина десятого утра.

Город только начал сбрасывать ночное оцепенение. Острые солнечные лучи уже распарывали стеклянные фасады небоскребов, а в воздухе стоял влажный, густой запах промытого ливнем асфальта.

Кейт замерла перед зеркалом в прихожей. Темно-синий брючный костюм, выбранный по жесткой рекомендации Майкла, сидел безупречно. Прямой крой, глубокие потайные карманы жакета, строгие лоферы на плоском ходу — броня, не сковывающая движений на случай, если ситуация выйдет из-под контроля. На консоли дожидалась папка: ни единой замятой кромки, ни одного лишнего стикера. Идеальный фасад. Она поправила жесткий воротник блузки и посмотрела себе в глаза. В отражении стояла прежняя Кейт, но черты лица казались заострившимися, словно кто-то выкрутил контрастность на максимум.

В штаб-квартире Brooks Holdings протокол повторился с пугающей точностью. Короткие кивки охраны. Глухая, отсекающая от мира медная кабина лифта. Приемная встретила ее вакуумной тишиной. Лидия Борисовна не произнесла ни слова — лишь едва заметно повела рукой в сторону приоткрытой двери кабинета, словно берегла хрупкое атмосфер-

ное давление этого места.

Кейт остановилась на пороге. Сделала один медленный, осознанный вдох: стол, панорамное окно, геометрический ковер. На выдохе она шагнула внутрь.

Кабинет дышал холодной, выверенной роскошью. Пространство, в котором воздух словно застывал до тех пор, пока хозяин не разрешал ему двигаться.

Леон стоял у окна. Спина к ней. Ткань темно-серого костюма идеально облегла широкие плечи и узкую талию, делая его похожим на темный, опасный монолит, врезанный в панораму города. Он не обернулся на звук раздвижных створок.

— Пунктуальность, — низкий, вибрирующий баритон ударил по нервным окончаниям, заставив ворсинки на руках Кейт едва заметно приподняться. — Первое качество, имеющее здесь вес.

Он повернулся. Встреча с его янтарными глазами всегда ощущалась как физическое столкновение. Взгляд Леона неспешно, с тяжелой, мужской уверенностью скользнул по линии ее плеч, опустился к рукам, сжимающим документы, и вернулся к лицу. Ни подобия улыбки, ни открытой агрессии — только тягучая, пронизывающая концентрация, от которой под безупречным жакетом разлилось предательское, абсолютно неуместное тепло.

— Документы. И кольцо. Положите на стол.

Кейт подошла ближе, стараясь, чтобы стук каблуков зву-

чал ритмично. Никаких лишних слов. Она положила кожаную папку и маленькую бархатную коробочку на край столешницы. На секунду задержала дыхание, надеясь, что транзакция окончена и она сможет покинуть эту давящую орбиту.

Брукс не двигался. Его глаза сначала изучили оставленные предметы, а затем он сделал шаг навстречу. Дистанция сократилась. Длинные пальцы с коротко остриженными ногтями легли на бумагу. Он пролистнул выписки из Цюриха и Дубая: сухие колонки цифр, никакой редакторской правки.

— Чистый срез. Без закладок, — констатировал он.

Затем Леон коснулся коробочки. Он не стал заглядывать внутрь. Просто извлек серебряный перстень на ощупь, словно текстура металла и его вес говорили ему гораздо больше, чем зрение. Сжал хан в крупном кулаке, тестируя вернувшуюся к нему тяжесть. И вместо того, чтобы убрать кольцо обратно в бархат, опустил его прямо на дубовую столешницу.

Глухой, увесистый стук серебра о дерево прозвучал как поставленная точка.

— Вы не надели его, — произнес он. Тембр опустился еще на полтона, и в нем проступила едва уловимая хрипотца. — Умно. Это доказывает, что вы четко понимаете границу между рабочим инструментом и личным обязательством.

Он не повышал голоса, но внутри этой фразы вибрировало жесткое, почти плотоядное удовлетворение. Леон оценил этот жест. Он зафиксировал, что она не попыталась

присвоить себе статус, который ей не принадлежал. Его взгляд, обычно непроницаемый, вдруг стал острее, пропуская сквозь себя ее мотивы, как свет через призму.

— Томо доверял вам достаточно, чтобы передать кодовое имя. Вы выполнили последнюю просьбу человека, который привык отдавать приказы, а не просить. — Брукс не отрывал от нее глаз. — В моей экосистеме такие долги закрываются. Просите. Один вопрос. Или одно требование. В пределах допустимого.

Он отступил на полшага, возвращая ей личное пространство и позволяя воздуху снова циркулировать между ними.

Это была не щедрость. Выставленный счет, который он предпочитал оплатить немедленно.

Воздух в кабинете стал густым. Кейт физически ощутила, как меняется гравитация: Брукс затягивал её в свою зону притяжения — туда, где правила диктовались его массой, а вес каждого решения измерялся последствиями.

Горло пересохло. Она сглотнула, заставляя мышцы лица оставаться расслабленными. Смотрела на мужчину напротив как на минное поле: шаг за безопасную линию гарантировал необратимое.

— Я не уверена, мистер Брукс, — ее голос прозвучал тише, чем она планировала, но без единой вибрации. — Если мои обязательства перед вами закрыты... я могу идти?

Леон чуть склонил голову. Возле края его губ обозначи-

лась жесткая складка — микроскопический маркер человека, поймавшего нужную реакцию в идеальный тайминг.

— Прямой отказ от отступных. — Тембр его голоса снизился, резонируя где-то на уровне грудной клетки Кейт. — Еще одно грамотное решение, мисс Риччи. Обычно в вашем положении требуют защиты, перевода счетов или устранения проблем. Вы не просите ничего. И это утяжеляет ваш счет на моих весах.

Он захлопнул бархатный футляр. Щелчок прозвучал в тишине кабинета громче выстрела. Брукс отодвинул коробку к краю столешницы — отрезал прошлое. Ткань пиджака натянулась на его широких плечах, поза лишилась формальной строгости. Напряжение никуда не исчезло, оно лишь сменило плотность, тяжелой ртутью растекаясь по комнате, заполняя пространство от пола до потолка.

— Долг моему отцу аннулирован, — произнес он. — Двери открыты. Вы вправе выйти за них прямо сейчас. Но позвольте предложить вам не закрытый счет, а перспективу. Мне нужен человек с вашей оптикой. Вашей выдержкой и... аномальной честностью. На постоянной основе.

Кейт опустила ресницы, пряча реакцию. Он стягивал петлю, но делал это так искусно, что веревка казалась шелком. Брукс знал ее бэкграунд: стабильная должность, репутация, партнеры из фирмы братьев Маршалл. И все же перебивал ставки. Давил своим авторитетом, скрытой угрозой, фонящей от каждого его движения, и одновременно — парадок-

сальным ощущением абсолютной безопасности, если стоять за его спиной, а не перед ним.

— Что конкретно вы выкладываете на стол?

Мужчина откинулся на спинку глубокого кресла. Длинные пальцы сплелись в замок. В радужке его глаз исчезли полутона — осталась только жесткая геометрия расчета, сканирующего ее насквозь.

— Должность внутреннего советника. Не по корпоративному праву, а по... специфическим задачам. Слияния с критической долей риска, урегулирование конфликтов за закрытыми дверями. Среда, где параграфы кодексов значат меньше, чем инстинкт самосохранения. Оклад втрое выше вашего нынешнего. Абсолютный иммунитет в границах моей экосистемы. И допуски, которые сделают вас самым влиятельным юристом побережья быстрее, чем вы смените гардероб.

Он замолчал. В кабинете стало слышно лишь ровное гудение климат-контроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.